

фантастическая
история

Книги Константина Костинова
в серии «Фантастическая История»

СЕКТАНТ
ДЖИП, НОУТБУК, ПРОШЛОЕ

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Константин Костинов

Джип, ноутбук,
прошлое

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К72

Серия основана в 2010 году
Выпуск 93

Костинов К.

К72 Джип, ноутбук, прошлое: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 344 с.:
ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1723-0

Джип — старенький узик, доставшийся в наследство от отца...
Ноутбук, забитый фэнтези-романами и мультфильмами-аниме...
Прошлое... 1910 год.

До начала Первой мировой — меньше пяти лет. И в этом прошлом на «джипе» и с ноутбуком — три человека. Нет, это не крутые спецназовцы. Это всего лишь семья: муж, жена, дочка десяти лет. Обычные люди. В одно мгновение потерявшие родственников, друзей, дом, работу... Потерявшие весь свой мир.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1723-0

© Константин Костинов, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Взмах крыла бабочки на одном берегу океана может привести к возникновению урагана на другом берегу.

Лоренц Эдвард Нортон

ПРОЛОГ

Бабочка взмахнула крылом, ярко-желтым, с двумя красными точками, и увернулась от пронесшейся мимо нее темно-зеленой громадины. Пусть цвет самоходной машины и походил на цвет листьев, но кусты, как правило, не имеют обыкновения бегать по земле. Даже если земля покрыта ровным и гладким слоем чего-то черного и отвратительно пахнущего.

Аня Лазаревич проводила взглядом закувыркавшуюся в воздушных вихрях бабочку. Та была настолько лимонного цвета, что во рту сразу же появилась оскомина. К сожалению, все, что можно было попить, кончилось еще на даче. Ну, кроме пива. Конечно, пить хотелось не так уж и сильно, но десятилетние девочки редко хотят сдерживать свои желания.

— Папа! — Аня отложила ноутбук, в котором читала книжку, и оперлась о спинку переднего сиденья. — А ты можешь остановиться возле какой-нибудь заправки и купить лимонада?

Отец девочки, Руслан Лазаревич, бросил короткий взгляд на дочку, на мгновение отвлекшись от управления своим джипом, как он в шутку называл старенький, доставшийся в наследство от отца уазик — УАЗ-469. «Козлик» был ровно в два раза старше Ани и всего на тринадцать лет моложе самого Руслана. Конечно, уазик не самая лучшая машина для владельца — ладно, совладельца — мебельной фирмы, но, во-первых, Руслан редко обращал внимание на внешние атрибуты, во-вторых, на дачу иногда добраться можно было только на вездеходе, потому что

дорога, особенно весной, выглядела так, будто по ней совсем недавно проехала вся танковая армия Гудериана туда и обратно. Ну и в-третьих, у Руслана был и второй автомобиль, трехгодовалый Pathfinder. Который был куплен по большей части для дочки. Она никогда не капризничала, но Руслан-то понимал, что школьники внимательно смотрят на то, на каких машинах привозят одноклассников...

— Анята, а ты можешь потерпеть полчаса? До города осталось совсем немного.

— Пап, ну что тебе стоит!

Честно говоря, Руслан немного торопился домой. Ребята из фирмы обещали сегодня скинуть на «мыло» чертежи столика какой-то новой, очень занимательной конструкции. Эти прохвосты уже неделю интриговали Руслана, обещая, что тот просто ахнет, когда увидит ЭТО. Он должен был посмотреть и высказать свое мнение.

Мебельная фирма с гордым итальянским названием «Кассоне» на самом деле была небольшой конторой с мастерской, двумя магазинами и группой энтузиастов, которые не сомневались, что рано или поздно они все станут миллионерами. Когда бывший одноклассник предложил Руслану бросить прежнюю работу менеджера по непонятно чему в конторе, которая занималась непонятно чем, и вместе заняться своим собственным делом, тот не сомневался ни секунды. Лучше уж продавать табуретки и журнальные столики и выслушивать заказы вроде «четырёхногого столика на трех ножках», чем сидеть в душном офисе, изо дня в день делая одно и то же. Зато как здорово вместе с клиентом придумать этот самый столик, самому сделать его в мастерской и продать его тому, кому давно надоела мебель из «Икеи». Наверное, у Руслана была слишком богатая фантазия, которая ежедневно требовала творческой деятельности.

Хотя надо сказать, что соблазнился он не только возможностью воплощать свою фантазию, но и тем, что ожидаемый доход — при самых пессимистических прогнозах — был почти в три раза больше его нынешней зарплаты. Творчество творчеством, а семью надо содержать. Не

жене же этим заниматься. Зарплата учительницы младших классов совсем не такая большая, как полагает тот, кто определяет размер окладов.

Руслан покосился на супругу, сидевшую на переднем сиденье, и увидел, что она смотрит на него с укоризной.

— Руслан.

— Что?

— Давай остановимся. Аня хочет пить.

— Хочу, — кивнула девочка.

— Хорошо. Возле первого же кафе.

— Хорошо... Эй, пап! Ты чего! Здесь же по дороге до самого города нет ни одного кафе!

Руслан улыбнулся:

— Ага!

— Это нечестно!

— Нечестно.

Аня уползла обратно на заднее сиденье:

— Ну и ладно.

— Руслан, — укоризненно посмотрела на него жена. —

Ты — мошенник.

— Да, — нарочито самодовольно кивнул он.

— Сегодня же день защиты детей.

— И что?

— Руслан!

— Юля!

Муж с женой посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Юля сняла резинку, стягивающую хвост на затылке, набросила на лицо свои черные волосы, вытянула вперед руки и завывала:

— Осталось двадцать минут...

Руслан продолжал улыбаться, мысленно пообещав самому себе, что остановится у первой же заправки. Хоть и хотелось быстрее узнать, что там придумали ребята, все-таки дочка для него была гораздо важнее любых столиков.

— Аня... —

— Что?

— Нет, ничего.

У ноутбука, конечно, был USB-модем и можно было бы попросить Юлю залезть в почту, но, вспоминая, как непредсказуемо здесь ловится сеть... В таких условиях работать в Интернете — все равно что пить шампанское из горлышка верхом на скачущей лошади. Можно, но зачем? Да и разрядится ноутбук скоро уже: ночью провода, идущие к дачному поселку, оборвало некстати рухнувшее дерево. Ребята из Энергонадзора, конечно, успели все исправить к утру, но девчонки все-таки посадили батарею. Где-то была автомобильная зарядка... Точно, Юля заряжала ноутбук, когда он сел окончательно, гоняя двигатель... Да нет, к черту, можно прекрасно подождать до города.

На несколько минут разговор затих, только слышалось гудение двигателя уазика.

Аня закрыла ноутбук и смотрела в окно, в надежде все-таки увидеть кафе и посрамить хитрого папу.

Юля отбросила волосы назад и сейчас тихонько шипела, отцепляя прядь, запутавшуюся вокруг шипа на кожном браслете.

Руслан уже строил планы на завтра. У Юлиных учеников начались каникулы, как и у Анюты, поэтому завтра девчонки смогут поспать подольше. А бедный несчастный папа должен отправляться на охоту, добывать мамонтов и тащить их в пещеру. Если серьезно, то завтра нужно будет обсудить с ребятами то, что они там напридумывали, обзвонить клиентов — как тех, чьи заказы уже готовы, так и тех, кто еще не подозревает о том, что фирма «Кассоне» внесла их в перечень потенциальных клиентов.

Выходные — это хорошо... Шашлыки там, купание-загорание, пиво в банках... вчера, ибо за рулем Руслан не пил. Жаль, что они всегда кончаются.

— Ух ты, — прошептала Аня.

Справа виднелась крыша кафешки «В долгий путь». Название оказалось не совсем удачным: кафе строили уже, наверное, года три и все никак не могли достроить. И вот сегодня там видна какая-то движуха... Стоит несколько легковушек...

Висит огромный плакат: «МЫ ОТКРЫЛИСЬ!!!» Три

восклицательных знака явно показывали, какое облегчение испытывали хозяева кафе.

— Пап, смотри, «Долгий путь» открылся!

— Правда?

Руслан отвел взгляд от дороги буквально на секунду...

Не отвлекайтесь от управления автомобилем. Даже если дорога перед вами прямо как стрела. Даже если ни спереди, ни сзади нет ни одной машины. Даже если нет кустов, из которых любят выскакивать дети. Опасность может прийти с совершенно неожиданной стороны.

С высоты, с очень-очень большой высоты — может быть, даже из космоса, кто знает? — на землю падало нечто. А может быть, не падало, а просто двигалось куда-то по своему пути. По пути, на котором оказался старый уазик.

— Черт!

Руслан ударил по тормозам, но опоздал. Ему не хватило той самой секунды.

Падения непонятной штуки он не видел. Для Руслана все выглядело так, будто на дороге возникла дрожащая клякса, похожая на полупрозрачный силуэт огромной летучей мыши, пронизанный маленькими электрическими искрами. «Клякса» мгновенно исказила обзор, заставив пространство расплываться.

Завизжала Аня.

Автомобиль, не успев затормозить, влетел прямо в центр непонятного явления.

Наступила тишина.

Исчезла «клякса».

Исчез автомобиль.

Вместе с Русланом.

Вместе со всей его семьей.

Часть первая

НИКТО

ГЛАВА 1

Над далекими кустами всходило утреннее солнце. Прохладный ветерок колыхал волнами желтое поле. Щебетали птички.

Руслан медленно-медленно отцепил дрожащие руки от руля. Юля выдохнула.

— Папа...

Аня еще не пришла в себя после бешеной скачки на УАЗе по полю, которое неожиданно возникло вместо гладкого шоссе. Сзади за автомобилем тянулась длинная широкая полоса примятой пшеницы... или не пшеницы?

Открылась дверь уазика. Руслан медленно вышел, стараясь успокоиться. Каким чудом машина не перевернулась, он и сам не знал. Повезло...

Захлопали дверцы. Жена и дочка выбрались следом.

— Папа, что случилось?

Овес. Низко наклонившиеся метелки колосьев, характерное зерно. Овес. Желтый, созревший, каким он никогда не бывает в самом начале лета.

— Не знаю.

— Что это было? — Юля видела то непонятное нечто, которое бросилось на их машину, перед тем как... Перед тем как — что?

— Не знаю.

Возле уазика, посреди желтого поля, стояли три человека. Отец, чуть старше тридцати, среднего роста, светловолосый, голубоглазый, в синих джинсах и черной футболке. Мать, с длинными черными волосами, тоже одетая в джинсы и клетчатую рубашку-ковбойку. И дочка, десяти-

летняя светленькая девочка, опять-таки в джинсах и розовой футболке со стразами.

Они стояли посреди поля.

Неизвестно где.

— Где мы?

Руслан не ответил. Он рылся в багажнике, грохоча разнообразными железками: домкратом, инструментами, мангалом с шампурами.

— Руслан?

— Юля, — Лазаревич не отвлекался, — нас перенесло. Куда-то и как-то.

— Как? Что это за летучая дрянь была?

— Юля! — Руслан все-таки выпрямился и посмотрел на жену. — Нас перенесло. То, что это сделало, не было похоже ни на взрыв, ни на смерч. На этом рациональные объяснения у меня закончились. Остается только фантастика.

— Портал? — Юля тоже любила фантастику.

Руслан наконец достал то, что искал. Старое ружье ИЖ-27 и потертый брезентовый патронташ. Открыл стволы и начал заталкивать патроны.

— Руслан, ты что?

— Юля, нас перенесло. Неизвестно куда. В лучшем и самом маловероятном случае — это другой материк. В худшем — это другой мир, другое время, другая планета. И я не хочу просто стоять и смотреть, когда из-за поворота выскочит лихая дружина веселого барона или эльфы верхом на орках, или лиловые осьминоги с бластерами...

Патроны не влезали. Или руки дрожали слишком сильно.

— Ага, или милиция с мигалками. Полиция, в смысле. Как ты им ружье объяснишь?

Руслан вставил два красных патрона — с картечью, — захлопнул ружье с громким щелчком и положил его на переднее сиденье. Так, чтобы оно не бросалось в глаза случайному прохожему, но было под рукой. На случай дружины веселого барона.

— Боюсь, милиции здесь мы не увидим.

— Почему?

Аня ходила вокруг машины, рассматривая метелки овса как диковинное растение.

— Посмотри. Мы ехали вечером. Здесь — утро.

Действительно солнце совершенно точно не садилось, а восходило. Легкая прохладца, не похожая на вечернюю, сохранившаяся кое-где роса... Утро.

— И кроме того, посмотри на овес. Он — желтый. То есть здесь — конец лета либо начало осени.

— Так, может, это особый овес? Скороспелый?

— А во-он та березка? Она тоже скороспелая?

Листва на березке уже начала желтеть.

— Можно было бы предположить, что нас перенесло на другую сторону земного шара... Но пейзаж уж больно среднерусский. Березки, ольха, овес... Так что мы — либо в другом времени, либо в другом мире.

Руслан влез внутрь и щелкнул кнопкой старого радиоприемника.

— Пшш-ш-ш... — сказал приемник. Ах да, он же месяц как не работает. Руслан покрутил ручку настройки, но сумел изменить только тональность шипения.

— Ой! — Аня осмыслила по-своему фразу о другом мире и подпрыгнула. — Я знаю, где мы! Мы — в мире Дельта!

— Ну да... — проворчал, оглядываясь, Руслан. — Король Шеллар, драконы, магия...

А также тролли, разбойники, демоны и куча других приятных вещей... Стоп!

— Анята, ты читала «Хроники странного королевства»?!

Девочка запнулась и на всякий случай сделала невинные глазки:

— А что?

— Юля! — Лазаревич повернулся к жене. — Я же говорил: не давать Ане Панкееву!

— Да что в ней такое?!

— А то ты не знаешь? Тебе хорошо — сунула девчонке книжку и спокойна, а мне потом объясняй ей, что такое «минет»!

— Не надо, — обиженно надулась Аня, — я это и так знаю... Ой.

Девочка закрыла рот ладошками, но было поздно.

Папа и мама медленно повернулись в ее сторону.

— Мне Ленка Чупрынина рассказала, — быстро проговорила Аня, до того как папа начнет ее лупить. Правда, он никогда этого не делал, но вдруг именно сейчас решит начать?

Руслан вздохнул. Нет, эту Ленку он когда-нибудь пристукнет. Если сможет вернуться... Он отбросил паническую мысль.

— Садитесь в машину.

Пора выбираться на дорогу — вон там виднеется что-то похожее, — и заодно подходящий случай отойти от скользких тем.

Хлопнули дверцы, двигатель взревел, и узик, выбрасывая комья земли и подминая колосья, пополз к дороге.

Дорога... мягко говоря, не впечатляла. Разумеется, не асфальтированное шоссе, даже не грунтовка. Сразу было видно, что здесь ни разу в жизни не ступало колесо автомобиля. В лучшем случае проезжали на телегах, скакали на лошадях, а чаще всего — шлепали босыми ногами. Узкая дорожка извивалась по полям, поднимаясь на холмы и спускаясь вниз.

Руслан проехал метров сто и остановился. Нужно было собрать колосья, торчащие из радиатора. Чтобы не оставлять следов того, что это его машина виновата в потраве. Конечно, кто его знает, может быть, здесь стреляют не спрашивая, прав ты или виноват. Или вовсе жгут на костре всех, кто не похож на местных жителей. Лазаревич покосился на жену, размышляя, не сказать ли ей, чтобы спрятала волосы под платком. Насколько он помнил, простоволосых женщин не любили во многих местах... Нет, не стоит. Сначала нужно все-таки выяснить, где они находятся. Потом принимать решения.

— Пап. — Бледная Аня дернула его за рукав.

— Что, Анюта?

— Пап... Что это?

Звук. Странный, немного пугающий звук. Мерный шелест, прерываемый резкими хриплыми вскриками. Как будто вал саранчи, пожирающей все на своем пути, катился в их сторону по дороге, скрытый склоном холма. Звук приближался, превращаясь в топот многочисленных босых ног. Казалось, сюда идет армия хоббитов, периодически подбадривающая себя ретивыми вскриками.

— Аня, в машину.

Дочка, не споря, запрыгнула внутрь. Руслан повернул ключ зажигания, загудел мотор.

Неизвестно, ЧТО идет по дороге. Возможно — и даже скорее всего, — ИХ слишком много, всех не перестреляешь. И неизвестно, берут ли их пули...

Тем не менее Руслан стоял у открытой дверцы, держа руку на цевье ружья. Так спокойнее...

— Руслан, поехали. — Юля была спокойна, но лицо слегка побледнело. — Поехали.

— Подожди...

На Лазаревича напало то самое странное любопытство, которое заставляет людей бежать в сторону взрыва, чтобы посмотреть, что рвануло, заставляет пренебречь собой, но хоть одним глазком взглянуть на смертельную опасность.

Топот был все ближе, ближе... Вот уже видны клубы пыли, поднимаемые шагающими, слышен неумолчный гомон...

На вершину холма высыпали и двинулись вниз кричащей серой лавиной...

Гуси?!

Толпа гогочущих упитанных птиц ринулась по дороге к автомобилю с такой непоколебимой уверенностью, как будто каждый день брала машины на абордаж.

Руслан в сердцах сплюнул. Обычные гуси, серые, лобастые. Было чего испугаться... Сел в автомобиль.

На холме показались погонщики стада. Мальчишки лет десяти — двенадцати, босые, в серых рубашках и черных штанах. Они подгоняли гусей длинными прутами, выкрикивая нечто неразборчивое. Увидели замерший посреди

дороги автомобиль и остановились, тихо обсуждая зрелище.

Тем временем гусиный поток достиг уазика и потек дальше, обходя его с двух сторон. На холме показались мужики. Такие типично русские мужики, тоже, как и мальчишки, в рубахах и штанах, тоже босые, разве что с аккуратными бородами и в кепках. Мальчишки бросились к взрослым, что-то говоря и указывая на автомобиль.

Ну что сидеть? Руслан открыл дверцу и выглянул наружу.

Нет, мужики не стали креститься или разбегаться с криками. Некоторая настороженность в лицах, да один из них, тот, что покрепче, перехватил поудобнее увесистую палку.

И молчат. На каком языке с ними разговаривать хоть? Руслан мог достаточно свободно говорить по-английски, так же как и Юля, — неприятно чувствовать себя за границей ничего не понимающим безъязыким дикарем — даже Аня смогла бы объяснить полицейскому, если, не дай бог, что-то произошло бы, кто она такая, где живет и кто ее родители. Еще Руслан знал пару фраз на немецком и французском, Юля — на испанском, а Аня, любительница анемешек, могла поздороваться и попрощаться на японском.

— Доброе утро! — прокричал Руслан. Не знаешь языка собеседника — начни со своего родного.

Мужики дружно сняли кепки:

— Доброе утро, господин!

По-русски. Уф... С души прямо камень упал. Россия. Осталось только уточнить год. Что-то мужички совсем не походят на современных крестьян, скорее, ассоциации с царской Россией. С другой стороны — автомобиля не пугаются... Может, какие-нибудь сибирские сектанты?

— Не подскажите, — прокричал он, — как мне до ближайшего города добраться? А то я... заблудился!

Некоторое напряжение, присутствовавшее в мужиках, спало. Сложно воспринимать как опасность человека, который просит у тебя помощи. Сразу появляется чувство собственного превосходства.

Мужики зашевелились и двинулись к уазу. Руслан на

всякий случай придвинул поближе ружье. Кто этих гусопа-сов знает...

— Пап, а можно я поглажу гуся?

— Нет. Не выходи из машины.

Гуси, предоставленные самим себе, остановились и тихонько разбрелись по краю поля. Несколько особенно любопытных стояли, вытягивая длинные шеи и заглядывая в окно уазика.

Мужики тем временем подошли к машине, тоже с любопытством ее разглядывая. Ну, примерно с таким же чувством наши современники рассматривали бы летающую тарелку, торчащую посреди проселка, из которой выглянули люди в серебристых комбинезонах и спросили номер галактики «в тентуре».

— А вот прямо по этой дороге, — мужик махнул рукой в сторону, противоположную той, в которую собрался ехать Лазаревич, — как раз к городу и прибудете.

— Кхм...

Учитывая, что вся дорога была запружена гусями, которые двигались совсем не со скоростью автомобиля, до города Руслан с семьей добрался бы только к концу недели. Причем следующей.

— Или, — сообразил мужик, — можете дальше поехать, как до чугушки доберетесь — так вдоль нее. Как раз к городу и прибудете. Тут недалеко, верст десять будет...

— А у вас мотор, — встрял в разговор мальчишка с длинным прутом в руках, — или вроде чугушки?

Получил подзатыльник и, пригнувшись, отбежал в сторону.

— Цего лезешь, — цокнул по-беличьи один из мужиков — тот самый, с палкой, — ня видишь, гуси в овес лезут. Местные за потраву не похвалят.

Мальчишка кинулся отгонять гусей, решивших, что окрестные поля — нечто вроде бесплатной столовой.

— Куда же вы их гоните? — поинтересовался для поддержания разговора Руслан.

— Известно куда. В столицу. Каждый год гоняем, как откормятся...

«Интересно. Что здесь столица — Москва или Питер? Или же это все-таки иной мир, где по непонятной прихоти разговаривают по-русски?»

— А что это у них на лапах? — высунулась в открытую дверь любопытная Анюта.

Гусиные лапы были вымазаны чем-то вроде смолы и густо покрыты налипшей пылью.

— А это, дочка, — улыбнулся мужик, — сапожки мы на них надели, чтобы лапы по дороге не сбили.

— Это как? — Голубые глаза девочки расширились.

— Оцень просто: через деготь прогнали, а потом по пыльной дороге провели.

Стадо гусей-путешественников наконец прошло, подъехала телега, на которой сидел пожилой мужик в красной подпоясанной рубахе. Окинул взглядом машину, но ничего не сказал. В глазах явственно читалось: «Баре с жиру боятся...»

— До свиданья, господин хороший, — засобирались мужички.

— До свидания, до свидания... — Руслан уже сел за руль, но тут вспомнил о незаданном вопросе.

— Как город-то хоть называется?

ГЛАВА 2

— «Есть на свете город Луга, Петербургского округа, — пробормотал Руслан, — Хуже не было б сего городишки на примете, если б не было на свете Новоржева моего...»

Они стояли у чугунки, сиречь железной дороги, ожидая, пока мимо них прочухчухает поезд. Продымил высокой трубой паровоз, потянулись разноцветные вагоны: синие, желтые, зеленые, коричневые... Вагончики были маленькими, с полукруглыми крышами, неторопливыми и напоминали игрушечные.

— Поэт... — зевнула Юля, — не успел до города доехать, как уже дразнилку сочинил.

— Это не я! — возмутился Руслан. — Это Пушкин.

— Кукушкин. Делать Александру Сергеевичу больше нечего было, как такие стишки сочинять.

— Нет, правда, это он сочинил.

Руслан знал точно: в Новоржеве Псковской области жили родственники, которые говорили, что за этот стишок на Пушкина обижены все новоржевцы поголовно.

Аня уже спала, свернувшись калачиком на заднем сиденье. Неудивительно: хотя по здешнему времени было позднее утро, они-то перенеслись сюда из вечера. То есть по их часам — Руслан взглянул на запястье — сейчас почти полночь.

Из уазика на проезжающий мимо поезд смотрели двое из двадцать первого века. На них из-за занавесок — люди здешнего времени.

Руслан с женой видели пассажиров поезда: молодых девушек в шляпках, мальчишек в забавных шапочках с помпонами, усталых женщин в платках и мужчин в картузах, офицеров в фуражках и даже одного священника в рясе. А кого видели все эти люди?

Станных незнакомцев в странной одежде, стоявших возле необычной машины. За кого их принимали? За чудаков-иностранцев? Богатых сумасбродов, которые могут позволить себе все? Сектантов? Уж навряд ли хоть кто-то подумал, что перед ними — гости из будущего. Никто.

Поезд прошел мимо. Хлопнули дверцы, уазик, невозможный здесь, в этом времени, переполз через рельсы и покатил дальше, к Луге.

«Россия. Луга и Петербург, куда мужики гонят гусей на продажу. Россия. Место определено. А вот время...»

Да, со временем Руслан пока не мог сориентироваться. Век понятен — двадцатый, судя по одежде пассажиров поезда — царские времена. То есть от 1900-го до 1917-го... хотя нет. До 1914-го, войны здесь не чувствуется. Уж не тот ли самый благословенный 1913 год, который называют чуть ли не самым лучшим годом в истории России? Плохо, если так. Благословенный он там или нет, а через год —

Первая мировая. Не то время, в котором Руслану хотелось бы жить с семьей.

Он скрипнул зубами и стиснул оплетку руля. Юля еще ничего не поняла, для нее происшедшее — яркое приключение вроде путешествия в Диснейленд или компьютерной игры. Аня вовсе не задумывается о том, что произошло: десятилетним девочкам всегда кажется, что папа — самый сильный и умный, что он разрешит все трудности и сделает так, что все будет хорошо.

Они пока не понимают...

Старая жизнь рухнула, исчезла безвозвратно. Не будет больше НИЧЕГО. Хуже, чем если бы у тебя сгорел дом со всеми документами. Всегда остаются родственники, друзья, они помогут. Сейчас сгорел не дом. Сгорел весь мир. Остались только они — маленькая семья из трех человек. И УАЗ с гордым прозвищем «джип».

Нет документов, нет денег, нет дома. Нет работы, нет образования. Нет ничего. Даже еды нет. Что, если девчонки захотят есть?

— Пап, — проснулась Аня, — я есть хочу.

— Подожди до города, Аня, — улыбнулся Руслан. — Папа что-нибудь придумает. Достань мне из багажника старую шляпу.

— Гав-гав-гав!

На дворе заливался Звонк. Молодой щенок постоянно лаял на все подряд: на кошек, на собак, на прохожих, на пролетающих птиц. Но сейчас его лай был необычным — немного грозным, немного испуганным.

— Ох-хо-хо...

Владимир Андреевич Ковалев, питерский журналист, не был настолько старым, каким он себя чувствовал.

— Ох-хо-хо...

Нет, нужно было снимать дачу в Шалово. Зачем, ну зачем он снял этот домик на окраине города? Как будто не знал, что к нему обязательно нагрянут лужские знакомые и благое намерение — полечить больной желудок целебной водой «Сокольнических ключей» — закончится...

ох-хо-хо... игрой в вист до глубокой ночи и коньяком. Хорошим, но... ох-хо-хо, до что же там Звонок так заливаётся?! Любой алкоголь полезен только при соблюдении терапевтических доз. Иначе...

— В капле — лекарство, в ложке — яд, — глубокомысленно заметил Владимир Андреевич и, сморщившись от прострелившей голову боли, пошел посмотреть, кто там пришел в гости. Если, конечно, стук в калитку не является стуком крови в больной голове.

— Звонок, молчи!

Заскрипели петли калитки. Господин Ковалев взглянул на стучавшего.

В первый момент ему показалось, что он еще не проснулся.

Перед его калиткой стоял американец. Самый настоящий. Как они это любят: в клетчатой рубашке, синих штанах и широкополой кожаной шляпе. Владимир Андреевич даже взглянул: нет ли на поясе у гостя револьверов, а между ногами — коня. Господи, что за ерунда лезет в голову...

— Чем обязан?

— Добрый день! — с ощутимым акцентом произнес гость и белозубо улыбнулся. Американец...

— Юля, раздевайся.

— Дорогой, не время сейчас.

— Юля, я серьезно. Снимай рубашку.

Они стояли на подъезде к Луге. Нужно где-то оставить машину — несколько встречных человек и так смотрели на них широко раскрыв глаза, скоро слухи о необычном автомобиле поползут — нужно было выйти в город на разведку, а для этого нужно сменить облик.

Руслан рассудил так: если уж не повезло оказаться в другом времени, то нужно либо слиться с толпой, чтобы тебя принимали за своего, либо хотя бы выглядеть так, чтобы при виде тебя люди сразу же понимали, кто ты такой, и не задумывались над тем, что это за подозрительный незнакомец и не сообщить ли о нем в полицию или там спросить документы.

Выглядеть местным жителем он, Руслан, не сможет. Даже если сумеет заманить одного из горожан в темный переулочек, шарахнуть по голове и забрать одежду... Ага, и мотоцикл... Даже если он переоденется в местную одежду, то за своего все равно не сойдет. Другая манера двигаться, говорить, различия в лексиконе, незнание самых банальных вещей, обычаев, традиций. Он будет выглядеть ряженым. А значит — подозрительным.

Выходит что? Не нужно скрывать свою чуждость. Наоборот, нужно выглядеть именно как человек не отсюда. Проще говоря, как иностранец.

Кто там в начале двадцатого века считался самым безобидным? Немцы — нет, французы — нет... Да в принципе чего голову ломать, единственная маска, которую он, Руслан, может надеть сейчас, — американец. Этаким типовой ковбой, в джинсах, в старой шляпе, которую он носит на даче. Правда, до образа не хватает клетчатой рубахи.

— Юля, давай, давай, снимай.

— На мне нет бюстгалтера.

— О боже, да кто на тебя смотрит!

УАЗ стоял на пустынной дороге, просматриваемой в обе стороны.

— Ладно, держи.

Юля быстро скинула рубашку и, смущенно прикрываясь, натянула футболку мужа. Руслан оделся, застегнул пуговицы. Рубашка все равно была его собственной: ее Юля надела на дачу.

— Итак, девочки, вы уже поняли, где мы находимся?

— В машине?

— В другом мире?

— Отставить шуточки. Девочки, поймите: все очень серьезно. Мы — в прошлом, без документов, все равно что нелегальные эмигранты в другой стране...

— Ой, — хлопнула в ладоши Аня, — мы — гастарбайтеры!

Руслан вздохнул:

— Я просил быть серьезнее.

Девочка опустила глаза:

— Молчу.

— Так вот. Сейчас нам нужно на время спрятать машину. Везжаем в город и стучимся в первый же попавшийся дом. Представляемся американской семьей...

— А почему американской?

— Потому что на китайцев мы не похожи.

— Нет, — решила уточнить Юля, — почему мы вообще должны притворяться иностранцами? Мы же русские.

— Мы — русские иностранцы, эмигранты в Америку, приехавшие в Россию в турпоездку, какие-нибудь чертовы сектанты, мормоны или там, я не знаю, молокане...

— Пап, а молокане — это как вегетарианцы, только пьют одно молоко?

— Да бог их знает. Я их видел только один раз, в комедии про боулингистов с Биллом Мюрреем. Короче, вы будете меня слушать?!

— Да, босс!

— Yes, sir! Ну раз уж мы — американцы... Кстати, Руслан, а как будем объяснять то, что мы с Аней говорим по-английски с акцентом?

— Мы — эмигранты! И не обязаны знать английский как коренные американцы! Тем более я сомневаюсь, что в Луге найдутся люди, которые сумеют определить, с каким акцентом мы говорим... Так. На чем я вообще остановился?

— На китайцах.

— Да. Так вот, мы — китайцы... тьфу ты. Американцы. Стучимся в первый попавшийся дом и просим оставить машину. Мол, мы американцы бедные, поиздержавшиеся и все такое. Потом я оставляю вас с хозяевами и иду в город, на разведку.

— А мы?

— А вы остаетесь с хозяевами.

— А что нам говорить?

— Все что угодно. Рассказывайте про Америку, как там небоскребы стоят в памперсах, то есть в пампасах, и вокруг них скачут индейцы верхом на бизонах и ковбои верхом на винчестерах. Ну, Юля, ты же у меня умница, с фантазией, ну придумай что-нибудь. Так, девочки, и еще. У вас ведь были косынки, вы на даче головы повязывали?

— Ну да.

— Повяжите сейчас. Вроде бы в России простоволосая женщина считалась чем-то неприличным.

Вообще-то Руслан помнил, что так считали в деревнях, но лучше перебдеть.

Жена и дочка зашуршали в сумках. В этот момент Руслан отвлекся. Мимо машины на телеге, груженной свеклой, проезжал крестьянин. Они с Русланом посмотрели друг на друга, тем временем девчонки надели платки. Лазаревич повернулся...

Аня схватила первый попавшийся и теперь была в красной косынке с серпом и молотом. А вот Юля, судя по всему, выбирала и красовалась в черной бандане с черепами.

Руслан уронил голову на руль.

— Спалимся... — простонал он. — На первом же человеке спалимся...

Они подъехали к городу, той части, которая была застроена деревянными частными домиками, почти в точности такими, как стоят в деревнях европейской части России в двадцать первом веке. Руслан выбрал один из домов, тот, вокруг которого был высокий забор из плотно сбитых досок и такие же ворота с калиткой. Если хозяин их впустит, машина будет надежно скрыта от любопытных глаз.

— Добрый день! — с улыбкой и уверенностью, которой не испытывал, поприветствовал Руслан человека, открывшего калитку.

Пожилой, лет пятидесяти — шестидесяти, невзрачный человечек в черном бархатном халате, подпоясанном шнуром с кистями.

— Д-добрый... — Судя по взгляду, а также по легкому аромату вчерашнего праздника, человечек пытался понять, вправду ли перед его домом стоит ковбой или же это — переодетая белочка.

— Меня зовут Руслан Лазаревич. Не могли бы вы мне помочь?

Легкий английский акцент в голосе.

Подумав, Руслан отказался от коверканья речи, вроде

«Здравствуйте, я фрром Амэррика». Во-первых, будешь выглядеть клоуном, во-вторых — запутаешься. Вовремя вспомнились слова учительницы английского: «Лазаревич, твой рязанско-вологодский выговор пугает даже меня. Что уж говорить о несчастных англичанах. Запомни хотя бы такое простое правило: держи постоянно язык на альвеолах. Тоже неправильно, но хоть немного ближе к истинному». Держи язык на альвеолах, сиречь бугорках за верхними передними зубами — и твой выговор станет похож на легкий английский акцент.

— Владимир Андреевич. Чем могу? — наконец собрался хозяин дома. В его речи слышался чуть заметный, но все же ощутимый акцент. Нерусский?

Руслан слегка отстранился, дав возможность увидеть стоявшую на улице машину.

У Владимира Андреевича отвисла челюсть.

— Это... авто?

— Совершенно верно. Мы с женой и дочерью...

Юля и Аня помахали из окна машины. Руслан заставил их поменять косынки, и теперь у жены была темно-синяя, без опознавательных надписей, а у Ани — розовая, с Луизой-Нулизой из аниме.

— ...путешествуем по России на своем автомобиле — и вот прибыли в ваш город.

— Вы хотите, чтобы я о вас написал?

Черт, похоже, повезло наткнуться на журналюгу...

— Нет, я оказался у вашего дома случайно. Нельзя ли оставить мой автомобиль у вас во дворе, пока я прогуляюсь по городу?

— Конечно, почему нет. А вы точно не хотите, чтобы я написал о вас заметку? У меня есть знакомые не только в местной газете...

— Нет, я путешествую инкогнито...

— Инкогнито?!

Черт, не то слово... Следи за речью, Лазаревич, а то спалишься...

— Я имел в виду, что не желаю лишней шумихи вокруг своего путешествия.

Раскрылись ворота, автомобиль загудел и въехал во двор. Руслан вылез из-за руля.

— Мощный двигатель, — с интонациями знатока заметил Владимир Андреевич. — Американский?

— Ага.

— А какая марка вашего авто?

— УАЗ...

«Сказал Штирлиц и подумал: а не сболтнул ли я чего лишнего?»

— Уаз? А что значит это слово?

«Говорил же сам себе: следи за речью...»

ГЛАВА 3

— От английского слова «ooze», что значит «тина». Как вы видите, мой автомобиль предназначен для передвижения по грязи, ухабам и полнейшему бездорожью...

«Господи, что за бред я несу?»

— Ну да, — закивал Владимир Андреевич. — Я вижу, что вы основательно подготовились к путешествию по России...

Человечек внезапно залился краской, закричал и отвернулся. Из уазика вышли Юля и Аня. Руслан тут же понял, в чем дело.

Если взглянуть на них — в особенности на Юлю — глазами человека начала двадцатого века.

Женщина! В штанах! В облегающих штанах! А он, Руслан, переживал из-за непокрытой головы. Да Юля, похоже, выглядит для Владимира Андреевича так же, как в наше время — девушка на улице в одежде из прозрачного полиэтилена.

«Палимся... Палимся...»

— Юля, тебе нужно будет переодеться. — Он сделал из-за спины старичка страшные глаза. — Мы не в Америке, здесь так не принято.

— А в Америке принято ходить так?!

— Ну что вы... Разве что в дороге, и то когда никто не видит. Хотя... В брюках ходят многие. Но опять-таки не в

обществе. К сожалению, в дорожных условиях нет возможности ходить в юбках, поэтому я заказал для жены и дочери брюки...

Руслан прикусил язык. Первое правило хорошего обманщика — не многословить. Кажется, что, чем больше подробностей, тем больше тебе поверят. На самом деле — тем быстрее тебя поймают на противоречиях.

— Короче говоря, — перешел Лазаревич к деловому тону, — я собирался заказать у вас в городе комплект одежды для жены и дочери, чтобы, так сказать...

— Не скандализировать публику, — механически кивнул Владимир Андреевич, в глазах которого все еще стояла Юля в брючках. — В Луге есть и магазин готового платья, на Успенской, в доме Тирана. На Покровской работает мастер Казакевич из Санкт-Петербурга, который может сделать вашей жене модное платье...

— Существует одна проблема, как говорим мы, американцы, уан литтл проблэм. У нас украли деньги.

— Что, все?!

— К сожалению, да. Мы остались совершенно без средств к существованию.

Владимир Андреевич потер бородку:

— К несчастью, я не обладаю достаточной суммой...

На его лице была искренняя жалость человека, который не может помочь.

— Ну что вы, Владимир Андреевич, не стал бы я просить денег, даже будучи и в весьма стесненных обстоятельствах...

Руслан увидел расширившиеся глаза жены, кашлянул и перешел на более современную речь:

— Я хотел бы попросить у вас помощи, но отнюдь не материальной... Не могли бы вы, Владимир Андреевич, приютить на время мою жену с дочкой, а также мой автомобиль. Также не могли бы вы назвать мне фамилии горожан, которые могли бы купить у меня несколько вещей, которые мне в дальнейшем не пригодятся.

Задача оказалось сложной для не до конца проснувшегося мозга старого журналиста. Владимир Андреевич по-

тер голову, пытаюсь сообразить, что он может посоветовать неудачливому американцу.

— Вещей, вещей... А что за вещи вы хотите продать?

Тут уж призадумался Руслан. Вещей-то у них много, но они все делятся на две группы: те, что не стоят больших денег, вроде одежды или упаковки пива, недопитого вчера, либо вещей, которые слишком уж явно указывают на их нездешность, вроде ноутбука, мобильных или флэшек. К тому же кому можно продать мобильный телефон в начале двадцатого века? Нет, наверное, если поискать как следует, можно найти подходящего покупателя... Однако покупатель еще где-то в неизвестности, а Аня хочет есть уже сейчас. Что же продать...

Аня подошла к журналисту:

— Здравствуйте. Меня зовут Аня.

— А меня, — отстал на время от задумавшегося Руслана старик, — зовут Владимир Андреевич.

— Вы — учитель?

— Нет, журналист.

— Понятно. Владимир Андреевич, а где здесь у вас...

Девочка опустила голову.

— Мм... — замылся сам журналист. — Вон там, за жасмином.

— Спасибо, — не поднимая головы, поблагодарила девочка и убежала.

— Руслан, — Юлия подхватила мужа за рукав и отвела чуть в сторону, — ответь мне на две вещи. Во-первых, откуда ты взял этот «Ууз»?

— Не поверишь, из фильма «Черепашки-ниндзя». В девятностые на видеокассете в начале фильма лежал бидон, на котором было написано это слово, и гнусавый голос переводчика переводил «Радиоактивная тина».

— Ладно. Во-вторых, что ты там решил продать?

— Что-нибудь ненужное.

— «Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить что-нибудь ненужное».

— А у нас денег нет. Правильно, вот только и ненужного у нас в багажнике валяется столько...

— Например?

— Например, твой купальник...

Купальник, в котором Юля загорала, когда никто не видел, мог бы произвести фурор и в начале двадцать первого века.

— Или еще можно взять ружье и пойти на гоп-стоп. О! А это идея!

— А если серьезно?

— Если серьезно... Владимир Андреевич!

Руслан подошел к деликатно отдалившемуся журналисту.

— Скажите, есть ли в городе заядлые охотники?

Тот задумался.

— Громов, например, Андрей Валерьевич. Мы с ним иногда, — старик поморщился, — в картишки поигрываем. Но к нему я бы вам обращаться не советовал. Антрэ нуа, пренеприятный человек, из породы лужских дельцов... Знаете что? Я бы порекомендовал вам Леонида Андреевича Андронова. Человек серьезный, свой торговый дом на Покровской, два отделения, лесопилка... К охоте равнодушен опять же. Подождите.

Владимир Андреевич сорвался с места и забежал в дом. Проскрипели доски крыльца, стукнула дверь.

— Ружье решил продать? — посмотрела на Руслана жена.

— А на кой оно нам здесь?

— Не жалко? Все-таки память об отце.

— Ага, память...

Памятью был все же уазик. Старенький, многократно отремонтированный сначала отцом, любившим посидеть в гараже вместе с приятелями, меняя ту или иную захворавшую деталь на новую, потом самим Русланом, пару раз практически разбиравшим УАЗ на части и собиравшим наново. А ружье... Откуда у отца, никогда в жизни не бывшего охотником, ружье — Руслан не знал. Он и наткнулся-то на него случайно, в кладовке. Пару раз брал на дачу, по банкам пострелять, и все. Какая уж тут память.

— Да и вообще, — продолжила Юля, — потом можешь пожалеть, что продал по дешевке.

«Ага, потом...»

Руслан вздохнул. Все-таки Юля еще не понимает всей серьезности ситуации. Для нее это — нечто вроде внезапной турпоездки в царскую Россию. Юля еще не понимает, что это — внезапная эмиграция, без денег и документов. Хуже любого гастарбайтера — у того, по крайней мере, родственники есть, соплеменники. А у них — только они сами.

Вышедший на крыльцо журналист позволил Руслану не отвечать на вопрос жены:

— Вот, мистер...

— Называйте меня просто «господин».

Фыркнула и отвернулась Юля.

— Простите. Господин Лазаревич, вот, не сочтите за оскорбление...

На протянутой ладони лежали несколько монет.

— Чтобы вам можно было извозчика взять, не идти пешком. Больше двадцати копеек не давайте! Эти сарданапалы если увидят, что клиент не из местных, — ободрать как липку готовы.

Руслан принял монеты.

— Обязательно верну, как только получу деньги.

— Ну что вы, не стоит, право, такой пустяк.

— Нет-нет, обязательно верну. Джентльмены всегда платят долги.

— А вы — джентльмен?

— Ну разумеется.

Вернулась из «кустиков» Анюта и куда-то утащила Юлю.

Руслан взглянул на монеты в ладони. Три серебряные — вроде бы при царе они на самом деле были из серебра, — на одной стороне двуглавый орел, выглядевший каким-то более агрессивным, чем современный, на другой — надпись «10 копеек» и год. 1909-й.

«Вот примерно и определились. От девятого до четыр-

надцатого года. Черт, я бы предпочел седьмой. Революция уже кончилась, а до войны есть время подготовиться...»

Вместе с серебрушками лежала медная монета: крупная, куда там нынешним. С одной стороны — тот же орел, с другой — надпись в полукружье «1907 годъ» и «3 копейки». Вместо буквы «е» в слове «копейки» красовалась ять.

«Черт, я же еще и неграмотный теперь. Малограмотный в смысле. В каких случаях эта закорюка пишется, в каких нет — не знаю».

Руслан не стал дальше размышлять над своим бедственным положением. Сначала нужно решить тактическую задачу — деньги — и только потом строить стратегию.

«Попросить позвонить извозчикам... Стой, Руслан, куда он позвонит, в колокол, что ли? Интересно, а телефоны уже есть? Спросить? Или спалишься? Да ну я, в конце концов, американец, у нас там на каждой ферме по телефону».

— Простите, а телефон у вас есть?

— Ну откуда, — развел руками журналист, — а вы что, хотели извозчика по телефону вызвать?

В лице было удивление и легкая насмешка над глупым американцем.

— Да, знаете ли, привык к цивилизации.

— Ну не скажите, — слова Руслана задели Владимира Андреевича за живое, — у нас, конечно, не Америка, но хотя бы негров не угнетают. Только недавно в столичных газетах читал, что у вас в Техасе...

— Нет-нет-нет, что вы, господин... мм...

— Ковалев.

— Господин Ковалев, я не хотел оскорбить ваших чувств. Просто по старой американской привычке собирался вызвать такси.

Ковалев рассмеялся:

— Вот уж чего-чего, а таксомоторов у нас нет. Чай не в Париже. Извозчиками обходимся. Хотя... Да, придется вам пешком идти. По нашей улице они редко ездят.

— Ничего, спорт полезен.

— Совершенно с вами согласен. Итак, выходите, значит, из калитки, поворачиваете направо...

«Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...»

Никаких фруктовых улиц в Луге начала двадцатого века не водилось. Идти нужно было до Покровской, через Успенскую и Никольскую. Видимо, православие пользовалось большей популярностью...

Руслан Лазаревич вздохнул и мысленно перешел на другую, более подходящую песенку.

«Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской...»

Дальше он слов не знал, да и эта песня к его настроению не подходила. Он постоянно представлял себя со стороны.

По улице — немощеной, кстати, середина основательно перепахана тележными колесами и лошадиными подковами — ездят телеги, поднимая пыль, прохаживаются редкие прохожие, все как один бородатые — женщин пока не попадалось, — в одежде, которая вызывает в памяти старинные названия «сюртук, картуз, косоворотка». Дома, беленые или обшитые темно-коричневыми досками, как правило, двухэтажные. Сохранились такие же или похожие на тихих улочках провинциальных городов. Вот такой дом, у которого балкон обшит доской и нависает над тротуаром, как выступ второго этажа, с окнами в белых рамах, он, Руслан, точно видел где-то. Вдоль улицы растут тоненькие деревца, торчат столбы электропроводки с белыми гроздьями изоляторов. Над дверью белого здания висит вывеска «Часовой мастеръ Таубинъ. Подборъ очковъ».

И вот посреди этакой тихой провинции начала века шагает улыбающийся во все тридцать два зуба АМЕРИКАНЕЦ. Типичный, в джинсах, в клетчатой рубашке, в ковбойской шляпе. До полноты образа не хватает разве что револьверов в кобурах, лассо и сапог. Неудивительно, что на такое чудо оборачиваются все встречные люди и лошади через одну. Слава богу, хоть собак не видно.

Наверное, человек, попавший в прошлое, должен чувствовать себя как в кино. У Руслана это не получалось. Слишком реальным было все окружающее, слишком непохожим на кинокартину: теплый ветерок, шелест листьев, пыль от телег, запах конских яблок. Скорее, Лазаревич

ощущал себя киношным героем, сбежавшим с экрана. Еще немного — и он начнет сомневаться в собственной реальности.

«Нет, надо, надо приобретать одежду, учить обычаи и становиться своим. Долго такого стресса я не выдержу. Какую Юле и Аниоте придется...»

Руслан скрипнул зубами, не прекращая улыбаться радостной улыбкой американского туриста или идиота. Не улыбайся он — его лицо приобретало слишком уж угрюмое и мрачное выражение. Примут за какого-нибудь Джесси Джеймса...

Девочки в школьной форме — длинные, почти до земли коричневые платья и белые фартуки, — небольшой стайкой кучковавшиеся у двухэтажного песочно-желтого здания, восхищенно смотрели на небывалое зрелище. Уж им-то, судя по всему, что Джесси Джеймс, что Клинт Иствуд — все равно.

«Хорошо, что я здесь с женой. А то, пожалуй, не выдержал бы и замутил с какой-нибудь гимназисточкой, — усмехнулся Руслан. — Кстати, да, это, скорее всего, не школьницы, а именно что гимназистки. «Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные...» Судя по блудливым глазкам некоторых из них, они недолго бы сопротивлялись...»

Занятый распутными мыслями, Лазаревич шел по улице — Успенская, по словам журналиста, — и, только дойдя до самого ее конца, понял, что боженьке, видимо, не понравились его идеи.

Согласно маршруту, именно от желтого дома с гимназистками он должен был свернуть на Ямбургскую улицу. Вместо этого он прошел мимо и теперь довольно слабо представляет, где находится. И это еще не самое страшное.

Прямо перед ним виднелась маленькая часовенка. И это, конечно, тоже не самое страшное — не вампир же он в самом деле.

У часовенки стоял полицейский. В фуражке, в сапогах, все как полагается. И не просто стоял.

Полицейский внимательно смотрел на приближающегося к нему «ковбоя».

ГЛАВА 4

«Не тормозить! Не останавливаться! Не суетиться!»

Руслан, широко улыбаясь, двинулся к полицейскому.

Высокий, в светло-серой рубашке-гимнастерке. Бросались в глаза отдельные детали обмундирования: шашка, рукоять револьвера, торчащая из кобуры, короткие черные погончики, витой оранжевый шнур на плечах с серебристым кольцом-перехватом, металлическая бляха на фуражке с номером «13», потемневший медный свисток на шее...

Совершенно некстати всплыла мысль о том, что широкая американская улыбка именуется еще голливудской, а...

— Добрый день, господин полицейский! — Акцент Руслан решил оставить для журналиста. — Не подскажите, где здесь может быть дом господина Андропова Леонида Андреевича?

— Вот здесь пройдете, — полицейский быстрым движением пригладил усы, — мимо управления, свернете налево, выйдете на Покровскую. Пройдете по Базарной, мимо Воскресенского собора, — полицейский указал на голубые купола церкви, — а там, слева, почти сразу за собором — дом Леонида Андреевича.

— Благодарю.

Руслан кивнул, поправил шляпу и бодро зашагал по указанному направлению. Полицейский произносил слова так же странновато, как и журналист. Хотя проблемы речи местных жителей Руслана никак не заботили.

Ветерок неприятно холодил взмокшую спину: казалось, что в нее упирается колючий взгляд полицейского.

Городовой низшего разряда № 13 Степан Загоруев на самом деле смотрел в спину Руслана, но мысли его были далеки от подозрений того в принадлежности к когорте странников во времени.

«Совсем эти дачники ополоумели, — думал Степан, — уже в американцев рядиться стали. Вроде и люди солидные, а такое непотребство. Хорошо хоть не как в прошлом году, когда тот офицер решил в простыне из бани выйти и

кричал, что он... этот, древний... кесарь, короче говоря. Что только водка с людьми делает...»

Руслан, невольно ежась, прошел мимо двухэтажного полицейского управления и вышел на небольшую пустую площадь. Если она и была базарной, то день сегодня был неторговым.

Площадь, как, кстати, и улица Покровская, в отличие от предыдущих улиц была замощена камнями, по которым грохотали редкие телеги. Руслан приостановился и обвел взглядом окрестности.

Что-то казалось неправильным, царапало взгляд, как будто окружающее стало слишком четким, слишком ярким... Ах да. Ведь раньше он видел дореволюционную Россию на черно-белых фотографиях и мутных кадрах кинохроники, а если и попадались цвета, то тусклые и пожухлые. Мозг, уже смирившийся с тем, что сейчас начало двадцатого века, машинально пытался сравнить окружающую реальность с фотографиями и отмечал несоответствие ожидаемого и действительного.

Прямо уходила вдаль улица, по которой стоял дом господина Андропова. Слева — двухэтажный дом под красной железной крышей. Под распахнутыми ставнями второго этажа висела вывеска с крупными буквами «КОЛБАСНАЯ» и еще несколько вывесок, уже не таких разборчивых. За этим домом виднелся второй, более высокий, на котором зеленела надпись «АПТЕКА». Справа тянулось длинное здание, судя по всему, нечто вроде торгового центра, хотя называлось наверняка иначе, — за ним стоял собственно собор.

Высокая колокольня и высокая башенка собора, обе — с конусовидными кровлями голубого цвета, над которыми тянулся вверх шпиль с крохотной луковкой и крестом. Интересная конструкция...

Значит, за собором.

Руслан бодро пошел по площади, чувствуя себя голым на сцене театра. Прямо на него никто не пялился и пальцем не показывал, но косые взгляды и шепотки за спиной слышались. Лазаревич, в свою очередь, тоже бросал быст-

рые взгляды исподлобья, не забывая улыбаться широкой голливудской улыбкой, оценивая одежду прохожих. Срочно, очень срочно нужно переодеться.

Нет, одежда прохожих не подходила. Народ на площади в основном был простым: штаны, заправленные в сапоги, рубашки навыпуск, подпоясанные веревочным шнуром, кепки, то есть картузы, с лакированными козырьками.

Картуз, с точки зрения Руслана, выглядел как помесь кепки и фуражки. От кепки он отличался наличием узкого околыша, от фуражки — мягким верхом наподобие мешка. То есть все-таки не кепка...

Ширкал метлой дворник в белом фартуке, подметая... Ай!

Руслан перепрыгнул кучку лошадиного навоза. Не забывай, Лазаревич, что автомобили здесь — редкость, а основной здешний транспорт загрязняет не воздух, а мостовую.

Оставлен позади собор, вот и особняк здешнего магната, господина Андропова. Ничего так домик, двухэтажный. Над входом вывеска: «Торговый домъ Л. А. Андропова и Ко». Похоже, рачительный господин не стал строить отдельного помещения под офис и открыл его в собственном доме. Там же висела вывеска «Булочная Мшинского. Кофейня».

Ноги неожиданно возымели желание развернуться и пойти назад.

«Куда?!»

Руслан вздохнул. Попади он в прошлое один — черта с два сунулся бы к купцу. Переоделся бы в одежду рабочего — сменял бы на то же самое ружье — и уже двигался бы в сторону Петербурга.

Нельзя. В одиночку он может жить хоть в землянке и питаться чем угодно. Но для Юли и Ани такая жизнь не подходит. Он должен обеспечить им ХОРОШУЮ жизнь. Разве это не долг мужа? А значит...

Руслан открыл тяжелую дверь особняка и прошел внутрь.

— Прошу прощения, мадам... миссис...

— Миссис.

— Миссис Лазаревич, — в глазах Владимира Андреевича, судя по всему, до сих пор стояла грудь Юли, слегка прикрытая тонкой тканью футболки, — вы, случаем, не из суфражисток ли будете?

— Суфражисток?

— Ну этих, знаете ли, девиц, которые требуют равных прав для женщин...

Старик хихикнул, но осекся.

«Феминистки, что ли?»

— Нет, Владимир Андреевич, к этим, как вы сказали, девицам не имею ни малейшего ни отношения, ни понимания.

Юля удивленно посмотрела на журналиста. Тот неожиданно начал раздуваться: втянул животик, выпятил грудь, расправил плечи. Даже глаза заблестели тусклым блеском.

Похоже, в представлении старика в такой одежде, как у Юли, могли появиться на глазах у публики либо суфражистки, либо...

— Я — не феминистка, в смысле не суфражистка. Но при этом я — любящая и верная жена. И у меня есть муж. Который, конечно, не корсиканец, но что-то корсиканское в нем есть.

Владимир Андреевич сдулся.

— Я... Я не имел в виду... Я не хотел...

Лицо журналиста начало багроветь.

— Владимир Андреевич, — пожалела Юля старика. — Расскажите мне лучше о жизни в России. Я никогда в ней раньше не была.

«Позже — была, а раньше — нет».

— Разумеется, — обрадованно подпрыгнул старик. — Разумеется. Может быть, чаю? Танька!

«А неплохое время, — думала Юля Лазаревич, глядя, как молоденькая девушка-служанка, суетясь, ставит самовар, самый настоящий, с дымом из гнutoй трубы. — Жить здесь можно очень даже прекрасно. Правда, кончится это все большевиками и революцией... А ну и что! Сейчас Рус-

лан придумает что-нибудь с деньгами, переберемся в столицу, а там можно будет или внедрить какие-нибудь изобретения, или сделать так, чтобы революции не было. Доберемся до царя, предупредим — и все».

В конце концов, если есть возможность изменить историю к лучшему — ее **НУЖНО** изменить. Разве это не долг гражданина?

Аня сидела на крыльце — на перилах крыльца — и смотрела, как незнакомая тетенька тащит на стол в беседке огромный самовар, точно такой, как на картинках в сказках про Федорино горе, которые папа читал ей в детстве. Наверное, дядя Володя хочет угостить их чаем. Хотя, если честно, Ане больше хотелось спать. Она зевнула, расстегнула верхнюю пуговицу джинсовой куртки — сначала показалось, что холодно, и она накинула ее, а сейчас стало жарковато — и спрыгнула с перил.

— Ой!

Чуть не сбила дядю Володю, который как раз выбежал из дома.

— Ой, Анечка...

Рука журналиста потянулась к голове девочки.

— Анечка, — заинтересовался Владимир Андреевич, — а что это за девочка нарисована на твоём платочке?

— Это — Луиза-Франсуаза.

Хорошо еще, что журналист видел изображение Луизы только до пояса. Длинные ноги, почти не прикрытые короткой юбчонкой, своей непристойностью довели бы его до сердечного приступа.

— Де Лавальер? — улыбнулся старик.

— Да! А вы тоже смотрели это аниме? — обрадовалась Аня.

— Что такое аниме?

«Ой. Не нужно было этого говорить. Папа сказал, что мы — в другом мире. Значит, никто не должен догадаться, что мы — не отсюда. Иначе... Наверное, нас схватят и будут пытаться. Не хочу, чтобы меня пытали. И чтобы папу с мамой пытали — тоже не хочу».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. НИКТО.	10
Часть вторая. НЕСКОЛЬКО	129
Часть третья. МНОГО.	257
<i>Эпилог</i>	340